

Жасмин на подоконнике плакал. Я не могла смотреть на это, но и бросить его здесь не хватило духу, поэтому я принесла его домой.

Я обмотала горшок широким скотчем, позволяя цветку медленно залечивать раны на подоконнике. Точно так же, как мое сердце, которое, будучи разбитым, все равно старалось собрать себя по кусочкам.

На третий день я получила посылку. В графе отправителя не было ни слова. Вернувшись домой, я открыла ее и увидела ту самую рубашку, которую когда-то купила для Чэн Ди. Я горько усмехнулась: неужели ты настолько не хочешь оставлять у себя хоть что-то, напоминающее обо мне? А те маленькие открытки, те памятные подарки — неужели они уже отправлены на свалку и сожжены?

Весь следующий месяц мы действительно не общались, словно в моей жизни никогда не было девушки по имени Чэн Ди. Я по-прежнему старательно играла свои роли: верная девушка Сы Мина, послушная дочь своих родителей, будущая невестка в семье Сы. Каждые выходные я проводила либо у них, либо у своих родителей, а иногда навещала их и в будни.

Родители всегда радовались моему возвращению, полагая, что их дочь, семь лет скитавшаяся на чужбине, наконец-то обрела покой рядом с ними. Остальные родственники тоже были рады меня видеть. Бабушка жила у нас, и когда я приезжала, мы спали в одной кровати. По ночам она всегда поправляла на мне одеяло, приговаривая, что надо укрыться как следует, иначе снова разболится зуб, а потом вполголоса рассказывала истории из прошлого.

Я еще на неделю ездила в деревню к бабушке с дедушкой. Им обоим уже за семьдесят, но они все еще крепкие, иногда даже выходят работать в поле. У бабушки много внуков, но, кажется, меня она любила больше всех. Узнав, что я приеду, она сорвала спелый виноград в саду и положила его в холодильник к моему двоюродному брату, чтобы заморозить — специально для меня, ведь она знала, как я люблю ледяной виноград. Дедушка обычно был неразговорчив и строг, но в хорошем настроении мог неожиданно отпустить шутку. Однажды, когда я отправилась гулять в горы и попала под проливной дождь, он примчался за мной, чтобы забрать домой.

Дедушка, бабушка, дяди, кузины — все спрашивали о моей свадьбе. Я выдавливала из себя улыбку и отвечала: Скоро, совсем скоро...

Только находясь рядом с ними, я могла раз за разом убеждаться в правильности своего выбора. Столько близких людей, и все так сильно меня любят, — как я могу причинить им боль?

В свободные минуты я снова вспоминала Чэн Ди. Как она сейчас? Очень страдает? Или во мне для нее теперь только ненависть? А может, она решила вычеркнуть меня из своей памяти?

Глядя на жасмин у окна — тот самый, что мы купили вместе, тот, за которым она так просила меня ухаживать, — я словно видела наши чувства. Чувства, которые безжалостно сломала эта мирская суета, чувства, которые я сама задушила в себе из-за собственной трусости.

Но цветок оказался сильнее человека. Несмотря на сломанную ветку, остальные побеги продолжали медленно тянуться вверх, впитывая солнечный свет и дождевую воду, а также жидкие удобрения, которыми я регулярно его подкармливала. В это жаркое лето он изо всех сил пытался вернуть себе жизнь.

Глядя на него, я могла лишь насмехаться над собой — такой трусливой, такой малодушной, такой эгоистичной.

К счастью, в конце августа начался учебный год, и я погрузилась в работу: знакомство с новыми коллегами, изучение личных дел учеников, подготовка к урокам. Хорошо, что рядом были Ван Мэй и Цзя Лань — с ними я снова могла почувствовать себя прежней.

Как-то в выходные Цзя Лань пригласила нас с Ван Мэй пообедать. Мы собрались в небольшом ресторанчике.

В процессе еды я заметила, что Цзя Лань чем-то встревожена. Только я собралась спросить, что случилось, как Ван Мэй толкнула меня в бок:

— Эй, Сяо Нин, ты вообще подруга или кто?

Я удивилась:

— Конечно, подруга!

— Тогда если подруга в беде, разве ты не должна броситься на помощь?

Сказала так, будто я какая-то героиня из романов о боевых искусствах! Я рассмеялась:

— Говори уже, что от меня требуется!

Ван Мэй посмотрела на Цзя Лань:

— У меня есть идея...

— Какая? — спросила та.

Ван Мэй кивнула на меня:

— Сяо Нин! Пусть она притворится твоей девушкой!

О боже! Что это еще за новости?

Цзя Лань, увидев мое лицо, рассмеялась:

— Ты ее напугала!

Ван Мэй нахмурилась, глядя на меня:

— Ну что такое? Она же английский учит, неужели ее мозги не такие прогрессивные, как мои?

Я учу английский, но дайте же мне время привыкнуть! Моя лучшая подруга, с которой мы знакомы столько лет, внезапно оказалась лесбиянкой, и к тому же испытывает чувства к своему полу — как тут не удивиться?

Я посмотрела на них обеих:

— Эй, вы о чем вообще? Я ничего не понимаю!

Ван Мэй уже открыла рот, но Цзя Лань остановила ее жестом, решив рассказать все сама. Оказалось, что на третьем курсе, будучи по обмену во Франции, она сошлась с одной девушкой, но по возвращении они расстались. А недавно она подрабатывала пением в одном баре, помогая другу, и там ее заметила некая Лу Лили, которая теперь настойчиво ее добивалась. По идее, такая независимая натура, как Цзя Лань, могла бы просто отказать, что она и сделала, но Лу Лили оказалась крайне настойчивой.

Я застыла с открытым ртом. Как Цзя Лань оказалась втянута в такие отношения? Несмотря на короткую стрижку и дерзкий характер, в ней всегда было столько женственности и нежности, я бы ни за что не догадалась! И никогда раньше ни от нее, ни от Ван Мэй ничего подобного не слышала.

Ван Мэй пригрозила мне палочками для еды:

— Вот скажи мне, ты исчезла на семь лет, ты вообще хоть немного интересовалась нашей жизнью, а?

Я втянула голову в плечи:

— Виновата, виновата. — А потом спохватилась: — Постой, а как же прошлый раз, когда мы играли в мяч? Ты же сама спрашивала, подходят ли друг другу Цзя Лань и Кан Кай?

Ван Мэй поморщилась, мол, это не значит, что Цзя Лань обязательно должна любить только женщин.

Оказывается, Цзя Лань бисексуальна. И какая же я после этого лучшая подруга, если ничего не знала? К тому же, видя, как открыто она говорит о своих однополых отношениях, не обращая внимания на косые взгляды окружающих, я испытала искреннее восхищение и легкую зависть. Пожалуй, только такая неординарная личность, как Цзя Лань, могла позволить себе такую свободу.

Разговор снова вернулся ко мне:

— Ну что, поможешь или нет? — спросила Ван Мэй.

— В чем? Как именно?

Ван Мэй изложила свой план: я должна притвориться девушкой Цзя Лань, чтобы устроить показательное выступление и тем самым отвалить Лу Лили.

Я возмутилась:

— Почему бы тебе самой не принести себя в жертву?

Ван Мэй снова сверкнула глазами:

— Твои грехи еще не искуплены!

О боже, список моих прегрешений уже тянет на целый том!

В итоге под мощным давлением Ван Мэй план по избавлению от навязчивой поклонницы был готов. В следующую пятницу мы идем в музыкальный бар Ре-минор, куда Лу Лили пригласила Цзя Лань, и я, в роли девушки Цзя Лань, должна буду поставить ее на место.

На самом деле, я прекрасно понимала, что Ван Мэй под предлогом помощи подруге просто хочет поглазеть на меня. Цзя Лань тоже осознавала, что план вполне рабочий, но в нем немало ребячества со стороны Ван Мэй. Однако решение было принято — видимо, всем нам не хватало в жизни хоть какой-то искры.

Когда мы расходились, Ван Мэй напоследок зыркнула на меня:

— Оденься поэффектнее, не позорь Цзя Лань!

Я ответила: — Госпожа Ван, я все поняла. Неужели я сама не смогу принарядиться?

В пятницу вечером мы встретились у бара Ре-минор. Когда Цзя Лань и Ван Мэй увидели меня, их глаза загорелись.

— Ха-ха, Сяо Нин, прямо преображение! — Ван Мэй не упускала случая подколоть меня.

Чтобы соответствовать артистичному образу Цзя Лань, я надела черное платье-рубашку, дополнила его сверкающей цепочкой, а волосы слегка завила, придав им дерзкий вид.

Ван Мэй покрутилась вокруг меня:

— Если добавить темные очки, будешь вылитая звезда!

Я рассмеялась:

— Сейчас вообще-то стемнеет, ты не заметила?

Ван Мэй велела мне взять Цзя Лань под руку, чтобы выглядеть поближе, и мы втроем вошли в бар.

Интерьер был хорош: игра света и тени продумана очень тонко, так что каждый мог найти себе место — и тот, кто хотел быть в центре внимания, и тот, кто предпочитал уединение. Тихая музыка текла, словно ручей.

Но как только я вошла, сразу почувствовала неладное. Здесь были одни женщины. Они сидели группками, попивали вино, болтали или играли в карты.

Я посмотрела на Цзя Лань и Ван Мэй. Цзя Лань улыбалась, а на лице Ван Мэй читалось лукавство.

— Ты думала, Лу Лили пригласит кого-то в обычный бар? — сказала Цзя Лань.

Я лишилась дара речи, внутри все сжалось от паники — я никогда не бывала в таких местах, где двусмысленность отношений между женщинами выставляется напоказ.

Хорошо хоть, я была не одна.

Я испепелила взглядом своих подруг:

— Ну что, выпустили пар? — я постаралась вернуть себе невозмутимый вид, хотя в душе стонала: когда же я наконец искуплю все свои грехи?

Ван Мэй лишь фыркнула в ответ.

Мы заняли столик в более освещенной части зала и заказали выпить.

— Ты здесь раньше бывала? — спросила я у Цзя Лань.

— Пару раз.

Ван Мэй с любопытством оглядывалась по сторонам: — А я впервые!

Я промолчала — я, вообще-то, тоже здесь впервые!

Мы болтали о том о сем, и через несколько минут к нам подошла девушка. Я подняла глаза: каштановые волосы, собранные на затылке, короткая розовая юбка — выглядела она модно и броско.

Но впечатление о ней у меня быстро испортилось.

— Цзя Лань, ты пришла! Я уже испугалась, что ты не появишься! — Она села по левую руку от Цзя Лань, а я оказалась с правой.

Ван Мэй ущипнула меня. Я подмигнула ей: мол, смотри, как надо.

Я тут же обняла Цзя Лань за руку и приторно-сладким голосом произнесла:

— Новая подруга? Лань-Лань, представь нас?

Цзя Лань понимающе улыбнулась и придвинулась ко мне:

— Это Лу Лили. А это моя девушка, Сяо Нин.

Лу Лили перевела взгляд на меня, и в ее глазах вспыхнули искры:

— Ты девушка Цзя Лань?

— А кто же еще? — я приподняла бровь. — Цзя Лань рассказывала мне о тебе. Говорила, что ты за ней ухлестываешь. Я еще подумала: что за странные девицы пошли, у человека семья, а она все равно не отстаёт...

Лу Лили окинула меня оценивающим взглядом:

— Ха! И что с того? В Китае однополые браки не разрешены, у вас есть хоть какая-то юридическая защита? Даже если я ее добиваюсь, это еще не делает меня разлучницей.

Довольно дерзко.

— Ты права, каждый имеет право любить кого хочет. Но наша Лань-Лань видит только меня, правда, Лань-Лань?

От этой реплики меня саму чуть не стошнило!

— Конечно, я люблю только тебя одну! — Цзя Лань поправила прядь моих волос, и в ее движениях сквозила такая нежность, что атмосфера вокруг нас стала почти осязаемо интимной.

— Так что, малышка, поищи-ка себе кого-нибудь другого, Лань-Лань тебя не полюбит. — Я положила подбородок на плечо Цзя Лань, изображая полную покорность.

Ван Мэй пыталась сдержать смех. Я видела, как тяжело ей это дается, и сама чуть не сорвалась.

— Ты же сама видишь, у меня есть девушка. Она красивая и замечательная. С чего бы мне выбирать тебя?

Лу Лили, казалось, готова была проглотить меня взглядом:

— И что? Я что, некрасивая? Замечательная... да в чем ты вообще замечательная?!

— Мои достоинства тебя не касаются. Главное, что Лань-Лань считает меня таковой, ведь так, Лань-Лань?

Не дожидаясь ответа, я добавила:

— Ты говоришь, что влюбилась с первого взгляда, но, наверное, не знаешь, что ту песню в тот день Лань-Лань пела для меня. Как не стыдно — у человека в сердце уже кто-то есть, а ты все лезешь и лезешь, гордость вообще есть?

Затем я повернулась к Цзя Лань:

— Лань-Лань, я тогда не слышала, как ты поешь. Спой мне еще раз! Только для меня одной!

Цзя Лань посмотрела на меня, понимая, что я плачу той же монетой, выплескивая недовольство тем, что они меня в это втянули.

Она беззаботно улыбнулась:

— Хорошо! Ниннин, раз ты хочешь, я спою. — Она бросила на меня такой многозначительный взгляд, что у меня по спине пробежали мурашки.

Цзя Лань встала и, не обращая внимания на Лу Лили, направилась к барной стойке.

Вскоре по всему бару зазвучало вступление к песне There You'll Be.

Цзя Лань поднялась на сцену, взяла микрофон и сказала:

— Всем привет! Я очень рада быть здесь сегодня. Хочу спеть песню для своей девушки — There You'll Be. Надеюсь, вам понравится.

Ее короткие каштановые кудри переливались в свете ламп, на ней была черно-белая полосатая кофта и черные облегающие брюки. Она выглядела уверенной, настоящей звездой.

Бар заполнили аплодисменты, взгляды всех присутствующих устремились к ней, а когда Цзя Лань посмотрела на меня, все повернулись в мою сторону. Даже прожектор намеренно выхватил меня из темноты.

Я чувствовала себя ужасно неловко, но, видя, что все смотрят, пришлось улыбаться — непринужденно и красиво, как того требовала ситуация.

И тут, повернув голову, я замерла. Чэн Ди! Она сидела в углу с какой-то длинноволосой женщиной в ярко-красном платье. Та пила вино, что-то шепча Чэн Ди на ухо. Чэн Ди смотрела в мою сторону, и эмоции в ее глазах я разобрать не могла.

В голове прогремел гром. Как Чэн Ди оказалась здесь? И почему она с этой женщиной, и

почему они так близки...

Ван Мэй тоже заметила ее и прошептала мне на ухо:

— Разве Чэн Ди не замужем? Что она тут делает? Неужели она тоже по девочкам?

Я с трудом сглотнула, заставляя себя сохранять спокойствие:

— Нет, она не такая. Наверное, просто пришла с подругой.

Ван Мэй скептически скривила губы:

— Не факт!

А проникновенный голос Цзя Лань уже звучал в зале:

— Думала, если разорву эту связь, смогу проснуться с улыбкой... Но не понимала, что твое место в моем сердце никто не займет... Страх будет со мной всегда, но я лишь вспоминаю твое лицо... Кто будет охранять твой одинокий парус в бескрайнем море? Кто пожалеет о твоём безмолвном крике под ясным небом? Любовь на последнем издыхании... Я пришла к тебе сквозь бури, я буду ждать твоего возвращения...

Эта мелодия была мне до боли знакома — оригинал песни я знала наизусть. Цзя Лань пела, глядя на меня с такой нежностью, но я-то знала, что сквозь меня она смотрит на кого-то другого.

Я заставила себя смотреть на Цзя Лань, а не в ту сторону, где сидела Чэн Ди, и выдавила из себя восторженную, тронутую улыбку.

Когда песня закончилась, бар взорвался аплодисментами, кто-то даже визжал от восторга. Точно так же, как я была лучшей на корте, Цзя Лань блистала здесь, на сцене — ослепительная, как настоящая звезда. Неудивительно, что Лу Лили влюбилась в нее с первого взгляда.

Она спустилась со сцены и направилась ко мне. Я встала навстречу, и посреди зала мы обнялись. Вокруг снова раздались крики и свист.

Когда Цзя Лань отстранилась, я прошептала:

— Ты так эффектно призналась в любви, может, мне тоже стоит что-то сделать?

Она на секунду опешила. Я прошептала ей на ухо, чтобы она помогла мне с музыкой, она рассмеялась и отошла, а я направилась к сцене.